

В ГЛУБИНЕ коридора «Комсомолки», как у черты горизонта, появилось облако. Оно на глазах темнело, обнажаясь гневом тучи. Туча, меняясь в оттенках, бунуя, стремительно двигалась сквозь узкое синтетическое ущелье, рассыпая молнии.

Это движется коридором Мариэтта Сергеевна Шагинян. Только что опубликована ее статья в «Комсомолке», и, очевидно, что-то не устроило нашего автора. Что именно? Точно знаем: в тексте ничего не менялось. У Шагинян каждая запятая, как нотный знак, — слабое общее мелодии, и любое изменение только нарушит музыку смысла. Так что же?

— Как вы могли сменить заголовки статьи? У меня было просто и ясно: «О Ленинских уголках в наших школах». Названа суть проблемы.

— Мы оставили это название лицом, подзаголовком.

— Вам кажется, что лучше «Тропинка к сердцу твоему»?

— Не особенно хорошо.

— Вот видите.

— Мы вам звонили.

— Ничего вы не звонили.

— Звонили несколько раз.

Пауза, заметно смягчающая период бури и натиска:

— У меня вчера было очень хорошее настроение — рабочая форма. Я писала и слуховой аппарат отключила.

— Мариэтта Сергеевна, в конце концов дело ведь в содержании, а не в заголовке.

— Все важно, и вы это знаете не хуже меня. Ну, ладно. Как все-таки статья, какие отзывы? Рассказывайте.

Из грозного явления природы она на глазах превращается в добрую женщину, которой так необходимы и похвала, и сочувствие, и даже жалость, — бесконечно терпимая, беззащитная.

— Я ведь совсем слепая. Работаю с лупой. Пишу все меньше и меньше. За весь год только одиннадцать статей.

— Не так уж мало.

— Знаю, знаю. Наверное, думаете: «Чего жалуетесь?»

В таком возрасте, да еще и пишешь. Да, пишу и рада этому. Но темпы уже не те.

Это случилось в марте нынешнего года. Возраст Мариэтты Сергеевны приблизился к отметке в девяносто четыре года. Разум удивлял ясностью. Но сердце уже утихло. И жизнь, и смерть.

Лена, внучка Мариэтты Сергеевны, сообщила:

— Бабушке очень плохо. Она просила передать свою последнюю книгу. Сказала, что подпишет после, как только выздоровеет. А сейчас ей очень тяжело.

Мы привыкли к долголетию Мариэтты Сергеевны. Привыкли, что всякий раз, когда болезни окружали ее, она все же находила единственную тропу — к жизни. Несколько раз в статьях, в книге «Человек и время» она открыто писала, что это ее последние строки, вряд ли что еще напишет. Но потом в газетах, журналах появлялись новые и новые статьи — волна за волной...

Читаю название книги, которой суждено стать последней. «Столетие лежит на ладони».

В ней собраны работы последних четырех лет, почти все написанные после девяностолетия. Отдельным разделом двенадцать статей о В. И. Ленине. И далее — о творчестве Михаила Шолохова и Аветика Исаакяна, об искусстве Большого театра и 150-летию вхождения Армении в состав России, мысли о пятилетке, чуткие к зеленым побегам нового, и очерк о волшебном слове уральского сказочника Павла Бажова. Впрочем, подсчет тем, имен здесь, возможно, и не требуется. Книга стоит того, чтобы ее прочитать и ощутить разнообразие и новизну суждений, интересов автора.

Это искусство твердых намерений, прямых оценок, завершенных характеристик. Не только анализ, запись процесса, но .. непременно вывод, оценка.

Бывают ситуации, когда материал не поддается художественному изображению. Пусть так. Тогда она продолжает свой диалог с читателем как философ-публицист или педагог-публицист. Переходы из искусства в науку совершаются естественно, без затруднений. Наука оживала от абстракций, теоретические формулы обретали взгляд, лицо. У очерков-размышлений — эмоциональная поэтическая жизнь. Сюжетная напряженность отличает каждый из них. Самые волнующие, драматические события в этой книге связаны с характером мысли автора, достойной того, чтобы ее воссоздать. Сила мысли может доставлять такую же радость и восторг, как и чистая красота.

Теория — под лучом света, блистающая красками. Философия, экономика, педагогика проникаются настроением красоты, художественности. Одна из задач автора — влюбить читателя в науку, будь то кибернетика, математика или наука наук — педагогика...

Глаза — инструмент познания. Когда-то врачи обнадружили молодую Шагинян, сказав, что у нее абсолютное зрение. И она была уверена в этом, как летчик в стрелке компаса. Но вот и глаза сработали. Странный, сизоватый туман двигался перед взглядом. Он заваливал людей, лист испанской бумаги, шкафы с книгами. Темный лабиринт. То и дело сбиваешься с пути. При свете дня еще труднее ощущать темноту. Она расстраивалась, ужасалась. Еще в 1979 году побывала в Западном Берлине. Могла видеть и читать. А теперь, взяв лист бумаги, скорее наизусть, пробирается строчками по ее белизне. Мелкий потерки, о котором

говорят — бисерный, постепенно крупнее, и в последнее время она писала так, как пишут в школьном детстве. Вот уже и лупа не помогает. Живой и необычайно живучий организм терпит поражение за поражением, но мозг, память, разум вырываются к людям — блестящим выводом, живописной картиной, живым анализом.

Слово в творчестве Шагинян всегда жило сознанием, что оно ускорило дело, стало детально преобразования.

Казалось бы, насквозь городская, чувствующая себя среди библиотек и книг, как агроном в поле, Мариэтта Шагинян одна из первых оценила новаторство и правду очерков Валентина Овечкина «Районы будни», уверенная в том, что писатель чувствует пути движения к высшей ступени хозяйствования. Сохранилось письмо В. Овечкина к М. С. Шагинян по поводу этой статьи: «Вы очень глубоко по-

есть и злодей, зло. Но все это дается в свете высшего добра, с верой в победу добра. Удивительный писатель».

Или Гоголь — первый у нас прозаик. Его не превзойти. «Мертвые души» — это абсолютно гениальная вещь. Абсолютно. Каждая веточка живет. Причем живет так, что вы не можете этого забыть. Его можно назвать узким, национальным гением. Толстой — шире. Толстой вышел за рамки только русского искусства. Но он не создал ни одного типа, подобно Гоголю, Шекспиру. Их типы стали прототипами. Исчезли сейчас Гамлет, мир сразу же обеднеет. Понимаете. Он потеряет массу больших образов, на которых развивалось сознание человечества. Вы назовете этот образ, и сразу же — огромный, легко представляемый мир.

Продолжаемость, последовательность в искусстве — звено за звеном — связаны как раз с требованием историчности.

Только — протор, только — ж и з н ь!

«Столетие лежит на ладони» —

последняя книга Мариэтты Шагинян

няли то, что я хотел сказать своим очерком. Написан он был в трудные дни, когда мне все стало противно, всякие литературные побрякушки...

С уважением и горячим приветом В. Овечкин».

В шестьдесят она была неутомима и оперативна как репортер. Маленькой хозяйкой она входила в большой дом, имя которому Родина, в котором дышал жар металлургии, цвели сады Алтая, свершались открытия, рос союз завода и поля. Адреса мелькали, как деревья за окном поезда. События записывались ускоренным пером. Убыстренность, смена замыслов не всегда вели к глубине. Кажется, в эти годы она вовсе и не нуждается в чисто литературной аудитории. Только — протор, только — ветер, только — жизнь. Берутся факты необычные и яркие, как вымысел, и все же реальные.

Именно в это время она пишет в своем дневнике: «Весь день я глядела сквозь наши советские факты вперёд».

Сделает вывод, необходимый и для начинающих писателей: «Полезно записывать первые впечатления от фактов, какими бы наивными и незрелыми ни показались они впоследствии».

Но возраст тоже наступал, усиливая момент личного раздумья, философско-литерическое начало в творчестве. Где-то уже в семидесят лет она почувствовала, что наступил лучший период в творческих исканиях, пришел ее настоящий день. После книги «Воскрешение из мертвых» это ощущение передалось и читателю. Слово преобразилось, стало гибче, увлекательней. Фраза жила обновленно, молодо. Культура художественности, эмоциональности достигает необычной чистоты, разности. В стартину был сказано: она пожинала плоды своих прежних усилий. Шагинян создаст свою Лениниану и биографию интеллигентной начала века в книге «Человек и время». Биография вписывается в общие народные судьбы. Время — дорога зигзагами, скажет она. Это и дорога к правде. Сложная, тернистая, но и знающая выход, верный итог.

Все то, что ранее добывалось в пути, теперь сигнализирует вспышками. Шагинян переживает прошедшее день за днем, событие за событием. Пройти, вернуться, чтобы осмыслить, прояснить когда-то неясное, дать оценки, какие она не могла дать раньше. Книги-обобщения, с летописной канвой.

А сейчас я хотел бы, чтобы читатель представил себе зимний вечер в Переделкине, на даче Мариэтты Сергеевны Шагинян. За окном — снег, вьюжит. А в кабинете писательницы теплая, рабочая тишина. Творчество нуждается в подзарядке, как аккумулятор. Такой «подзарядкой» для Шагинян был разговор с собеседником, которому можно было открыть свои мысли о жизни, искусстве, открыто высказывать симпатии и антипатии. Я включаю магнитофонную запись, слышу ее напористый голос, уверенный в правоте. Может быть, это одно из последних развернутых суждений Шагинян об искусстве. Она размышляет о чувстве историзма, продолжительности в художественной прозе. Послушаем, прочитаем хотя бы вот этот отрывок:

ШАГИНЯН: «Не может состояться художественный образ без чувства продолжения. Я хочу, чтобы все время ощущалось развитие в сюжете, стиле. И это было бы особенностью моей прозы. Мысль дана, но только в ее продолжительности, в развитии, а не просто брошенная мысль.

Смотрите, у Диккенса, все продолжается, все живет, каждый образ. Испытываете огромное наслаждение. У него

Сейчас писатели не учатся исторически видеть. Жаль, что Гегеля на Западе не любят. Запад живет Фрейдом, то есть человеком, который пошел против исторического развития.

История — развитие человеческого общества — построена на чувстве самосохранения. Поэтому, когда вы обращаетесь к изучению гибели какого-то общества, к умершим цивилизациям, то вы видите, что они гибнут потому, что утратили чувство самосохранения. История держит развитие человека в здоровой форме, с чувством будущего.

Вот, к примеру, русский народ. Очень молодой народ, талантливый. Он развивается на подъеме исторического развития. Та современная русская проза, которая хочет жить, действовать, должна слышать этот общий народный подъем, должна быть историчной.

Еще один пример. Что такое творчество Кафки, например. Есть такая поговорка: «в огороде — бузина, в Киеве — дядька», то есть сюжеты его произведений бессвязны. Нет причин, и нет следствий. Мир как дисгармония, крушение человека в мире. У Кафки человек с человеком не может сообразиться. Один говорит что-то, а другой отвечает совсем не то. Полный распад, отчуждение, связи нет.

Теперь о музыке. Почему я обожаю Шостаковича. Я вижу, как он сливает одно с другим, у него нигде нет распада, у него железная логика управляет развитием музыкальной мысли. Она может быть каковой-нибудь или дисгармонией, но она есть — живая, действующая связь. Она держит. А возьмите модернизм в его крайнем выражении. Он что-то скажет — провал, взлетает — потом снова провал. Связи нет. Может быть, это талантливо, но это нигде не ведет. Но тогда позволительно спросить о таком искусстве: «А зачем?»

НЕ УДЕРЖУСЬ, чтобы не привести один факт из биографии Шагинян — очеркиста и публициста. В 40-х годах публикуется ее очерк «Выбор варианта» — о строительстве Южно-Сибирской железнодорожной магистрали. Как сообщает биограф Мариэтты Шагинян, изучив на месте задачи и перспективы новостройки, она увидела невыгодность выбранного варианта одного из участков трассы. Сложность была в том, что этот вариант уже был утвержден Министерством путей сообщения. Писательница начала борьбу за более выгодный «северный вариант». И ей удалось добиться пересмотра ранее принятого решения. В статье «На больших путях» академик В. Н. Образцов писал: «Опыт неутомимой М. С. Шагинян показывает, что может сделать писатель, если он активно вторгается в жизнь, а не пытается наблюдать ее только из окон своего кабинета». Об этом еще раз задумываешься, когда читаешь постановление ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства». Роль литературы в решении задач социально-экономического развития страны, формировании нового человека, сказано в партийном документе, должна быть еще более активной.

Все было необычно в жизни Мариэтты Сергеевны Шагинян. Возраст творчества, диапазон знаний, энциклопедичность интересов. Об этом будут писать, вспоминать, изучать. Но самое удивительное в этой биографии — новизна отношений к жизни, когда художественное слово становится практикой создания, формой утверждения нашего образа жизни.

Так было. Так будет.

Иван ЖУКОВ.